

Евгений ЭРАСТОВ

Я НИЧЕГО ОТСЮДА НЕ ВОЗЬМУ

* * *

Мне такая приснилась картина –
Дождь картавый, парижский бульвар,
Обветшалых годов паутина,
Ходасевич, Берберова Нина,
Эмигрантский столикий кошмар.

Большевицкие пули со свистом
Прерывают обугленный стих.
Брось поэзию, стань журналистом,
Нигилистом, дружок, пофигистом,
Мой кастрюлю одну на двоих.

И суши свои простыни рядом
С простынями парижских бродяг,
Пей абсент под сквозным листопадом
За Поэзию, мать твою так...

Крошки стряхивай с ветхих матрасов,
Но не смей ни кривиться, ни ныть!
Ведь сказал же однажды Некрасов,
Что поэтом ты можешь не быть.

Сиплый ветер задует мне в спину,
Вспомню дождь и соборных химер,
Владислава я встречу и Нину
На бульваре des Filles-du-Calvaire.

Расскажу, как жестки и суровы
Стали люди от бед и труда.
За высокое русское слово
Предложу я им выпить тогда.

За издания «Гиперборей»,
Царскосельских пугливых бельчат,
За детей, что растут всё быстрее,
Тех, которые ямб от хорей
Через тысячу лет отличат.

В траве земляника алеет,
Чихает хозяйственный еж,
И облако в небе белеет,
А в поле лоснится и зреет,
Полнеет красавица-рожь.

Глубокого неба колодцы
Двухвостые режут стрижи,
И в узеньком темном болотце
Смешные резвятся ужи.

И каждый свернувшийся ужик,
Что весел, отважен и лих,
Болотную тину уютит
В сообществе юрких ужих.

Там кочка мягка, как подушка,
И средь узаконенной мглы
Скучает царевна-лягушка
В предчувствии острой стрелы.

* * *

Как мучнистый седой мотылек
Над увядшим пасленом порхает,
Так и жизни дарованный срок
Растворяется, тает и тает.

Да и стоит ли вечно порхать
Над поруганным русским болотом?
Уж не лучше ли в небе летать
Величавым ковром-самолетом?

В сонной речке резвится малек,
В чистом поле цветет василек,
Пыль стоит на дорогах Отчизны.
Но мучнистый седой мотылек
Что-то важное знает о жизни.

Знает то, что не знает другой,
В узколобой ночи дорогой
Заскорузные башли считая.
И безбожно чернеет паслен,
И желтеет раскидистый клен.
...Скоро осень придет золотая.

* * *

Нет, вечной не надо – устанешь смотреть
На Божьего мира дары и щедроты,
На белые лилии – те, что на треть
Заполнили нынче родное болото.

От плюшевых мишек родного угла
До веток слепой слабогрудой китайки,
Скажу без утайки – ты яркой была,
Была вдохновенной – скажу без утайки.

Мы видели сполохи первой грозы,
Москву мы видали, видали Париж мы,
Мы видели крылья стальной стрекозы,
Застывшей на желтых лепешечках пижмы.

И вишню видали, что зреет в тиши,
Видали на круче терновник колючий,
Слышали, как тихо шуршат камыши,
Совсем не страшась пустоты неминучей.

Теперь мы уже на другом вираже,
И заспанной мухи не в силах обидеть,
Но всё же так грустно, что скоро уже
Терновник разросшийся нам не увидеть.

А там – пустота, нескончаемый мрак,
Пора разложенья, гниенья эпоха.
...А может быть, всё это вовсе не так?
Быть может, и вечная – тоже неплохо?

Не бежит, как раньше, дрожь по коже,
И уже понять не в силах я –
Неужели больше не тревожит
Подростковый страх небытия?

Снова вижу голубой цикорий
И большие пышные стога,
И картина русских плоскогорий
Мне, как в детстве, снова дорога.

Дороги кувшинка на болоте,
Лягушонка выпученный глаз,
Небо в предзакатной позолоте.
...Почему же на привычной ноте
Ты свой стих не кончишь в этот раз?

Потому, что время исчезает
И летит в беззубый кавардак,
Потому что время уползает
Из стеклянной колбочки во мрак.

И безумный лёт слепых песчинок
Не прервать умелую рукой.
...Вот и кончен с жизнью поединок.
Пустота. Забвение. Покой.

Он покинуть совсем не жалел
Ни закат, что так долго алел,
Ни тебя, обветшала пашня.
Уходить в безъязыкую тьму
Так, без друга, совсем одному,
Было вовсе не больно, не страшно.

И жену он покинуть был рад,
И любовницу Любу, и сад
С огородом, и сельские дали.
Даже книги – и те потерять
Не боялся. Ему ль не понять –
В многих знаниях – много печали.

Раньше, позже ли – что за беда!
Снегом был, а сегодня – вода.
Жизнь – комедия, грязная драма.
Но однажды он вспомнил о том,
Как мальчишкой играл в бадминтон,
Как купила волан ему мама.

И заплакал он, словно дитя,
Вспоминая, как жил он, шутя,
Наплевав на судьбу-профурсетку,
В захудалом советском раю.
Вспомнил школу, и маму свою,
Долгожданный волан и ракетку.

Там гусиные перышки в ряд
О свободе своей говорят,
Неразгаданной тайне полета.
Есть ли в мире Божественный План?
Без сомненья – ракетка, волан.
В этом есть запредельное что-то.

Боже, как он был счастлив тогда!
Из фонтанчиков била вода,
Тлело небо в лиловых накрапах.
Не пятеркой в его дневнике,
Не синицей в озябшей руке –
Счастье было – резиновый запах.

* * *

Сосняк и пружинист, и колок,
И строен, что твой звукоряд.
И столько прилипло иголок
К коричневым шляпкам маслят!

И столько листочков прилипло
Ольховых, что просто беда!
Кукушка устало и сипло
Считает в чащобе года.

Родное мое бездорожье!
Залетных стрекозок слюда!
Однажды пред Ангелом Божиим
Предстану, и скажет тогда

Мне Ангел, что в век озверевший
Барыг и безумных вождей
Не грех, что сосняк побуревший
Я больше любил, чем людей.

Поэтому с чувством ребенка
Я вижу сплетенье корней
И трогаю шляпку масленка,
Сухие иголки на ней.

* * *

Зимой на даче тихо, как в гробу.
Скребется мышка за облезлой печкой.
А сиплый снег не ропщет на судьбу
И на вишневых веток худобу,
Да знай валит над полем да над речкой.

Себя ты уговаривать горазд,
Что жизнь твоя не так уж и громоздка,
Хоть вся она давно как тонкий наст,
Хрустящий под ногою, как известка.

А этот снег – безбашенный, большой,
Стучит по крыше старенького дома.
И ты сидишь, придавлен тишиной,
Под впалой, обветшалой луной –
Как жертва постковидного синдрома.

И с этим миром все слабее связь.
Опилками сорит Небесный Плотник,
И строк твоих причудливая вязь
Им непонятна – то ли дело грязь
Родных дорог да сбитый беспилотник.

И, уходя в безропотную тьму,
К таинственному Божьему Ковчегу,
Я ничего отсюда не возьму –
Лишь чувство сопричастности к нему –
К безродному, беспамятному снегу.

Таможня солнца, веточек возня,
Портняжная стрижиная резня
Тех крыльев, что острее стеклореза,
И мартовская льдистая лыжня
Напомнят мне, что я богаче Креза.

Среди сокровищ – мокрые стволы,
Стук электрички, звук бензопилы,
Водою талой полные каналы.
Внимание к детали – это клад
Для всех поэтов. Кто ему не рад!
И тот стократ, кто пишет не для славы.

Какая слава! Русский ротозей
Тупее зубра в Беловежской пуше.
...Ревел Политехнический музей,
Встречая рифмачей своих орущих.

Теперь там даже листик не дрожит.
Их криками никто не дорожит,
А вирши не сравнятся с пеньем птичьим.
Кто в тихом Переделкине лежит,
Кто на помпезном спит Новодевичьем.

Поставлю свечи им за упокой –
Прости им, Боже, маленький такой
Грех многоглаголанья, словоблудья.
В России все непросто, видит Бог!
Среди политиканов и пройдох
Мы только потерпевшие, не судьи.

Не судьи мы – ответчики скорей.
Не важно, кто ты – чукча ли, еврей,
Ты за стихи ответишь пред законом –
Не знаменем, но пламенем влеком,
Березовым прозрачным языком
И цинковым синичьим перезвоном.

У весны, бездомной замарашки,
Весь в грязи матерчатый подол,
Жуткий нрав, плебейские замашки.
Про ее бухие обнимашки
Знают и пырей, и суходол.

Про ее бандитские проказы
Изо всех газет узнали мы –
Как сосулек льдистые алмазы
Лихо отжимает у зимы.

Вероломна юная зазноба!
Вроде бы проста, да смотрит в оба,
Как чекистка в узких галифе,
Нагло реквизирует сугробы –
Крупные сокровища РФ.

Сушит придорожные канавы,
Пеночкой простуженной поет,
Под ногами трассовой шалавы
Скользкий зачищает гололед.

Строит охренительные рожи.
Солнце натирает докрасна.
Нет тебя и краше, и дороже,
Русская веселая весна.

ШЁЛОКША

Здесь белая церковь на склоне
Заветную тайну хранит,
Пасутся печальные кони
Под сенью плакучих раkit.

А рядом – пугливей мышонка,
Лелея родные края,
Кугою шуршит Шёлокшонка –
Притихшая речка моя.

Гниет на мели плоскодонка,
И ершики плавают там.
Я снова с тобой, Шёлкшонка!
Уж я-то тебя не предам.

Когда же глухая тетеря
Вопит, в том не видя греха,
Что любит Россию – не верю!
Я знаю – Россия тиха.

* * *

Здесь тишина, как стражник на часах
У вечности – о крупном и о малом
Не размышляет, ибо время – прах.
Сидит всю ночь с опущенным забралом.

Здесь тишина такая, что слова
Бессмысленны, и тщетны разговоры,
Здесь слышно, как весенняя трава
Сквозь земляные проползает поры.

И каждая травинка – словно меч,
Пронзающий стреноженное время.
И ты себя не сможешь уберечь –
Уйдешь как все – не с этими, так с теми.

Здесь всех других ловчее и живей,
И всех бодрей, и зря не суетится
Наш среднерусский рыжий муравей –
Ни жизни он, ни смерти не боится.

А жизнь права, и смерть права – они
В гармонии своей равновелики,
И равнодушны к нам, как эти пни,
Как заросли садовой повилики.

DÉJÀ VU

Вот она, лета нежнейшая милость –
Лезет сквозь землю шальная трава.
Не от росы ли коса затупилась?
Лишь одуванчики косит едва.

Может, и к лучшему? Мне от пореза
Дальше б держаться, не быть дурачком.
Рухнут цветы, и покроются срезы
Детским каким-то смешным молочком.

Всё это, кажется, было когда-то.
Солнечный луч, на травинках роса.
Зеленоглазый такой, конопатый
Худенький мальчик смотрел в небеса.

Не был в Шанхае он, не был в Париже,
Доллар не видел, не трогал юань.
Был почему-то понятней и ближе
Город с названием Тмутаракань.

Ел по утрам он овсяную кашу
И, шелковистую глядя траву,
Знать не хотел про политику вашу.
... Желтая пижма. Полынь. Déjàvu.

* * *

Как римлянка, до шелковой туники
Охочая, Ветлуга любит лен,
И заросли пахучей земляники,
И синий, в мелких крапинках, паслен.

И сосен величавые громады,
И комаров вопящую орду.
Безумные, шальные снегопады
Не двадцать, так по десять раз в году.

Как русская, что может ради шубки
Любого нувориша ублажить,
Хрустальные предпочитает кубки
С чистейшим льдом, и весело пожить

Ей нравится, она не любит слезы –
Ведь жизнь ее не так уж и плоха –
Под Новый год вся в серебре береза,
А в октябре вся в золоте ольха.

* * *

Ах, как много дельцов и воришек,
Алексашек, отрепьевых гришек
Развелось на замшелой Руси!
Притаилась красавица Мнишек,
С нею свора вельможных парнишек.
Ты пощады у ней не проси!

Очи карие, длинная челка –
Активистка она, комсомолка,
Знает тайное дело свое.
Ножка узкая, бледная кожа.
И, конечно, «от можа до можа»
Протянулась держава ее.

Как боятся ее недобитки!
Дай ей волю – за крепкие нитки
Будет дергать боярских сынков.
А захочет – нальет полстакана
И по-царски пошлет дурака на...
Жизнь вольготна среди дураков!

Здесь по-польски никто не стебает,
Но горячке решать подобает,
Кто там новый московский царек –
Князь косожский, варяг или галич,
Краснорожий Борис Нелакаич
Иль кудрявый какой пуделек?

Но в медвежьей стране, бездорожной,
У тебя-то, у светловельможной,
Весь умишко – на два волоска.
Это вам не какому-то Гришке,
Карьеристу, скоту, хвастунишке,
Показать половину соска.

Сколько в ней и притворства, и лоска,
Вероломства, греха – MatkaBoska!
Как сафьяновый крут сапожок!
...Дай шепну тебе, Гриша, словечко –
Место бабы на кухне, у печки.
Не давай ты ей воли, дружок!

* * *

То, как ящерка, время бежит,
То ползет по-улиточьи тихо.
Что за куст у забора дрожит?
Облепила забор облепиха.

Удивительно всё же просты,
Незатейливы девичьи вкусы –
Серебристые эти листы,
Желтых ягод браслеты и бусы.

А когда золотая заря
На верхушке куста полыхает,
Проступает Музей Янтаря –
Так, что сам Кенигсберг отдыхает.

Нас учила посконная жизнь,
Всех, вкусивших хоть капельку лиха –
От начальства подальше держись –
Проживешь, как твоя облепиха.

Ей-то что! Ведь жила при князьях,
На советский не злясь муравейник.
Был пырей да цикорий в друзьях,
А в подписчиках – серый репейник.

Как нам хрупкая жизнь дорога!
Даже если по пояс снега,
Или спать не дает лихорадка.
Потому-то и в дождь, и в жару
Все дрожит на бесхозном ветру
Серебристая нежная прядка.